

— Жисинь, может, пусть дядюшка Цзю сначала проведёт Сяо Хану массаж, чтобы вывести влагу? Возможно, это поможет.

Дядюшка Цзю был мастером своего дела, и деревенские часто обращались к нему при простудах и тепловых ударах. Для такого маленького ребёнка иглоукалывание было слишком рискованным, а массаж мог помочь, стимулируя точки и выводя токсины из организма. Даже если это не вылечит, хуже точно не будет.

Пока дядюшка Цзю занимался ребёнком, Гао Чан вернулся в свою комнату и принёс три пакетика гранул с буплеврумом. Хотя он и запасался жаропонижающими, он не планировал их раздавать. Но, увидев больного ребёнка, который страдал из-за отсутствия лекарств, Гао Чан понял, что держать свои запасы при себе было не так просто.

— Это осталось с прошлого раза. Возьмите.

Гао Чан протянул лекарство Чжэн Жисиню, и тот смотрел на него с благодарностью, как на спасителя. После массажа ребёнок вспотел, и ему дали полпакетика гранул. Неизвестно, было ли это эффектом лекарства или самовнушением, но всем показалось, что он выглядит лучше. Гао Чан тоже заметил улучшение.

С этим разобрались, и ужин подошёл к концу. Все снова занялись работой во дворе, но Чжэн Жисинь с женой остались, держа на руках сына. Они о чём-то поговорили, и вскоре Жисинь подошёл к Гао Чану:

— Гао Чан, спасибо за помощь.

— Не за что. Лекарства лежали без дела.

Гао Чан не умел плести бамбуковые доски, и его попытки раскалывать бамбук были неуклюжими. Это была работа для мастеров, а он был в этом новичком, поэтому он просто убирал ветки с бамбука.

— Я слышал, что у тебя большой дом. Видишь, этот двор тоже крепкий. У нас всего трое, может, мы сможем пожить у тебя какое-то время?

— У меня?

Гао Чан не остановился в работе.

— Да.

— Не бойтесь, что я вас сглажу?

Гао Чан не сдержал улыбки. Чжэн Жисинь был его ровесником и в детстве, когда он развивался быстрее, часто издевался над Гао Чаном, называя его несчастливым. Если бы это был не его сын, а сам Жисинь, Гао Чан бы даже не взглянул на него.

— Ну, хватит, это было давно. Ты всё ещё помнишь?

Жисинь смутился. В детстве, из-за того, что у Гао Чана не было родителей, а все говорили, что он приносит несчастье, дети часто его обижали. Жисинь тоже был среди них.

— Не рассчитывайте на мой дом. Он старый и разваливающийся. Вот этот зал разве не годится?

Дом Гао Чана действительно был в плохом состоянии. Во всём дворе все дома были двухэтажными, только его оставался одноэтажным. Возможно, его семья не успела построить второй этаж, когда все остальные строили свои дома, или, может, им просто не нужно было больше места.

— В зале? Там же нет укрытия от солнца.

— У вас есть руки и ноги, разве вы не можете его обустроить? Видите, зал тоже двухэтажный, только пола нет. Сзади есть бамбук, срубите несколько стволов и сделайте пол, и будет жильё.

Услышав это, Жисинь посмотрел на второй этаж зала. Он действительно был неплохим, похожим на обычный второй этаж, только окна были слишком большими. Но их можно было чем-то прикрыть, а лестницу и вовсе не нужно строить — в зале уже была лестница, которая отлично подходила.

Несколько других семей тоже искали место для жилья. Единственный свободный дом уже заняла семья Чжэн Фаньи, и, чтобы поселиться здесь, нужно было найти кого-то, кто согласится их приютить. Соседи не хотели отказывать, но и пускать к себе тоже не желали, поэтому их лица выражали недовольство.

Жисинь рассказал о своём плане обустроить второй этаж зала, и сразу три семьи выразили желание сделать то же самое. Лучше жить самостоятельно, чем зависеть от других. В этот вечер все рубили бамбук для досок, и эти семьи тоже присоединились к работе, чтобы сначала обустроить себе жильё.

Двор-саньхэюань был большим, но, учитывая, что теперь все жители будут проводить время только здесь, они решили сделать крышу повыше, чтобы было просторнее. В центре двора установили девять высоких бамбуковых столбов, на которых соорудили каркас для крыши. Крыша была на уровне верхушек домов, и когда доски были уложены, балки домов тоже помогали поддерживать конструкцию.

Мужчины в деревне были знакомы с такими работами, и за ночь они соорудили высокую крышу, покрытую несколькими слоями бамбуковых досок. Крыша защищала от солнца и позволяла воздуху циркулировать, так что теперь жители двора могли не бояться дневного света.

Второй этаж зала тоже был обустроен. Из расколотого бамбука сделали пол, а досками разделили пространство на четыре комнаты. Передние комнаты у окон были меньше, а задние — больше. Семья Чжэн Жисиня поселилась в передней маленькой комнате, где окно можно было открывать для проветривания. Теперь, когда над двором была крыша, дневной свет почти не проникал внутрь.

Когда работа была закончена и двор привели в порядок, было всего пять тридцать утра. Все собрались во дворе, чтобы поесть приготовленную женщинами еду и дожждаться рассвета.

— Мой Госи где-то там, не знаю, как он.

Тётушка Ашань, сидевшая за столом с Гао Чаном, произнесла это вслух. Госи был молодым, но из-за своего старшинства его звали дядей, как и его отца, дядюшку Ашаня.

— Госи в городе, верно?

— Да, раньше на машине туда можно было добраться за два часа.

— Не знаю, что там происходит. Думаешь, они захотят вернуться в деревню?

Жители деревни начали обсуждать это, и оптимистичная атмосфера постепенно исчезла. Забор был построен, крыша готова, и казалось, что они смогут выжить. Но теперь появились новые заботы.

— В городе дома крепкие, там, наверное, безопаснее.

— Ты что, с ума сошла? После всего этого в городе не найти ни еды, ни припасов.

— Да, они просто умрут с голоду...

— У нас в поле урожай хороший, а в городе всё залито бетоном. Где они найдут еду?

— Лучше бы они вернулись.

— Как? Снаружи слишком опасно. Лучше бы они оставались дома, пока солнце не вернётся в норму.

— Значит, у них нет шансов?

Раньше все думали об этом, но ситуация в деревне была слишком тяжёлой, и люди молча работали. Теперь, когда кто-то заговорил, все начали обсуждать.

Не все хотели, чтобы те, кто был снаружи, вернулись. В деревне и так было мало ресурсов, и сейчас еду распределяли по головам. Но если те, кто снаружи, вернуться, разве деревенские смогут смотреть, как они умирают с голоду? Но об этом нельзя было говорить вслух.

Пока все размышляли, за забором снова раздался голос:

— Папа, мама, вы здесь? Это я, Гози. Почему двор загородили?

— Гози! Это Гози!

Услышав его, дядюшка Ашань и тётушка Ашань обрадовались:

— Гози, спереди загородили, заходи сзади. Там тёмно, будь осторожен!

— Мама, вы все во дворе? Я видел свет! Сейчас зайду.

Вскоре Гао Чан увидел, как Гози вошёл во двор, неся велосипед. Видимо, он ехал из города, и то, что он добрался целым, было чудом. С ним был высокий мужчина, симпатичный, но с суровым выражением лица.

— Мама, это мой друг. Когда начался хаос, ему некуда было идти, и он поехал со мной.

Гози немного смутился, представляя его.

<http://bllate.org/book/15437/1369033>